

МОБИЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ: ОСОБЕННОСТИ, ФОРМЫ И ЭТАПЫ

Покатов Д.В.^а

^а Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского

АННОТАЦИЯ:

Социальная мобильность является неотъемлемым социальным процессом, естественным образом проявляющимся в ходе общественно-политического развития. Один из основателей концепта «многомерной мобильности» П. А. Сорокин справедливо отмечал, что в современном обществе перемещения индивидуального и социального объекта или ценности, составляющие сущность процесса мобильности, находятся во взаимосвязи и охватывают различные сферы жизни общества. Не является здесь исключением и политическая подсистема общества и действующие в её границах сегменты, в том числе политическая элита. Поступательное, стабильное и инновационное развитие современного общества невозможно без обновления его подсистем, прежде всего, политической, что, в свою очередь, напрямую зависит от обновления состава политической элиты, прихода в него новых политиков. В этой связи в статье автор останавливается, прежде всего, на определении и анализе базовых особенностей мобильности политической элиты. При этом отмечается, что в ряде исследований, вышедших в последние годы, элитная мобильность рассматривалась как тип, близкий к политической циркуляции, или перегруппировке состава правящей элиты. Однако, по мнению автора, процесс мобильности политической элиты нельзя сводить только к разновидности политической циркуляции. Мобильность политической элиты – процесс трансформации кадрового потенциала элиты, одна из форм социальной и политической мобильности, имеющая как поступательные, так и транзитивные разновидности, способствующие пополнению состава элиты новыми политическими акторами, изменяющими свои позиции. Этот процесс близок к циркуляции, но не является ни сменой элит и, вместе с тем, не приводит и к системному обновлению элиты. В обычных условиях он свидетельствует об определенной модификации политической элиты (применительно к правящей элитной группе) и отчасти спонтанно-объективному преобразованию (относительно неправящей, контрэлиты). Рассмотрение особенностей и форм мобильности политической элиты автор основывает на анализе биографий 685 представителей политической элиты, включающей как членов правящей элитной группы (руководителей исполнительной, законодательной и судебной власти федерального уровня), так и контрэлиты (лидеров и руководства ведущих политических партий, общественных движений и организаций).

Результаты проведенного автором анализа биографий 685 представителей политической элиты позволили определить и дать характеристику таким формам элитной политической мобильности, как линейно-традиционная и переходная (лиминальная), включающим формы, выделяемые по критериям уровней, форм проявления и сфер деятельности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: социальная мобильность, мобильность политической элиты, циркуляция, политическая элита, контрэлита, формы элитной мобильности, линейно-традиционный тип, переходный, лиминальный.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Покатов Д.В. Мобильность российской политической элиты: особенности, формы и этапы // Вопросы управления. 2022. № 5. С. 5–18. URL: <https://journal-management.com/issue/2022/05/01>. DOI: 10.22394/2304-3369-2022-5-5-18. EDN: VLXJLS.

■ ВВЕДЕНИЕ

Стабильное и поступательное развитие современного общества невозможно представить без процессов естественного обновления его базовых сегментов и, прежде всего, социальной мобильности. Один из творцов отечественной и западной социологии П.А. Сорокин, который, по сути, ввел в научный оборот данную категорию, как известно, отстаивал принципы концепта «многомерной мобильности» отмечая, что в современном обществе перемещения индивидуального и социального объекта или ценности, составляющие сущность процесса мобильности, находятся во взаимосвязи и охватывают различные сферы жизни общества. Наряду с анализом самого концепта социальной мобильности ученый выделял и анализировал такие её разновидности, как горизонтальную, не связанную с существенным изменением статусных признаков индивида и социальных групп, так и вертикальную, приводящую к значительной модификации данных признаков и имеющую две разновидности: восходящую и нисходящую [1, с. 119-120].

В дальнейшем разработанный П.А. Сорокиным концепт «многомерной мобильности» оказался в центре научных дискуссий. Целый ряд авторов во многом продолжили исследовательскую линию ученого, дополнив и углубив её. Так, С.М. Липсет и Р. Бендикс также определяли социальную мобильность как определенную совокупность процессов, с помощью которых индивиды перемещаются между статусными позициями внутри социальной системы [2]. Ряд исследователей, в частности британский социолог М. Севейдж, вообще весьма критически восприняли сам концепт мобильности, видя в нем некоторую «политическую арифметику» с историческим фокусом [3, р. 889]. Однако в своем большинстве многие западные и затем отечественные исследователи рассматривали особенности мобильности в различных сферах и применительно к отдельным группам. Благодаря использованию математического аппарата исследователям удалось определить и дать характеристику таким типам мобильности, как структурная, проявляющаяся в виде социальных переходов, вызванных меняющейся структурой экономики; и базовая, подразумевающая нормативное регулирование мобильности, фиксирующее на определенном уровне про-

цаемость социальных перегородок [4, с. 23]. В достаточно фундаментальной монографии британского социолога Джона Урри «Мобильности» процесс мобильности рассматривается как глобальное движение, связанное с перемещением различных индивидов и групп людей с одних социальных позиций на другие. Однако заслугой ученого было не только рассмотрение глобального перемещения индивидов и групп, но и идей, информации и даже рисков [5, с. 67-89]. Именно в таком контексте, с одной стороны, как интеграции процессов базовой и структурной мобильности, а с другой, как перехода индивида из одного класса в другой, социальная мобильность была представлена в исследованиях Дж. Голдторпа. Отстаиваемые Дж. Голдторпом принципы анализа мобильности стали в дальнейшем справедливо подвергаться критике рядом исследователей, в частности Дж. Пейном, который предлагал возвратиться к некоторым идеям, высказанным ещё П.А. Сорокиным, и рассматривать мобильность шире, включая в научный анализ такие важные направления, как изучение особенностей мобильности правящего класса, выражающегося в т.н. «циркуляции элит», и анализ социальных перемещений индивидов по социальной лестнице, проявляющиеся в условиях трансформации социальной реальности [6, р. 289].

Отмечая заслуги западных исследователей, нельзя не сказать и о разработках отечественных социологов и политологов, специализирующихся в данном направлении. При этом, хотя самих работ именно по проблематике элитной мобильности не так много, но достаточно широко разрабатывались проблемы элитного рекрутирования [7-14] и элитного трафика, включающего в себя такие этапы, как инкорпорацию, ротацию и экскорпорацию [7]. Как представляется, данные категории действительно соприкасаются с рассматриваемой проблемой, однако, на наш взгляд, не являются идентичными и достаточно близкими. Процесс рекрутирования традиционно обозначает формирование правящих элитных групп, изменение их состава за счет прихода в них новых политических деятелей, либо особый механизм отбора на руководящие должности в государстве, институтах и организациях новых кадров [15, с. 340]. Если говорить об элитном трафике, то, как справедливо отмечает О.В. Крыштановская, он вклю-

чает в себя такие процессы, как: инкорпорацию, или вхождение элиту политических деятелей, ротацию, или перемещение кадров внутри политической системы, а также экскорпорацию, или выход из элиты. Поскольку саму элиту О.В. Крыштановская трактует, прежде всего, как особый правящий слой общества, то данные процессы затрагивают именно данные прослойки. Как представляется, поскольку политическая элита является достаточно неоднородным слоем общества, включающим как представителей правящей элиты, так и различные сегменты контрэлиты, то элитный трафик в такой трактовке несколько сужает понимание элитной мобильности. Также не совсем подходит для этого и определение рекрутирования как однонаправленного процесса, имеющего своей целью приход в элиту новых кадров. В этой связи можно говорить, что используемое некоторыми авторами (в частности, Дж. Пейном) понятие «циркуляции» нуждается в более подробном сопоставительном анализе, не имея таких привязок к определенным элитным слоям и неся более нейтральный характер. В настоящем исследовании автору более близка позиция Дж. Урри, исходя из чего социальная мобильность рассматривается как изменения, связанные с перемещением индивидов и социальных групп с одних социальных позиций на другие. Они действительно приобретают разнообразные формы, затрагивая и сферу политики в целом, и элитную мобильность в частности. В научной литературе авторы (здесь можно вспомнить уже упоминаемых выше С.М. Липсета и Р. Бендикса [2]) выделяли различные факторы, детерминирующие процессы социальной мобильности, среди которых назывались правовые, связанные с отменой сословных и иных привилегий, принятием конституций, закрепляющих равенство всех перед законом и т.д.; экономические, детерминируемые экономическим ростом и прогрессом; культурно-образовательные, проявляющиеся в развитии системы образования и связанным с этим ростом возможностей для продвижения различных слоев и групп на разные уровни социальной иерархии. Применительно к российскому социуму можно, как думается, обратить внимание на цивилизационный фактор и связанный с этим тип мобилизационного развития (описанный в работах А.Г. Фомотова), возникший в резуль-

тате влияния внешних, экстремальных условий и характеризующийся доминированием властных институтов, низкой социальной активностью населения, отсутствием зачастую возможностей для открытого и многопланового социального контроля за формированием принципов отбора в элитные группы, который, без сомнения, оказал воздействие как на процесс социальной мобильности в целом, так и процесс элитной мобильности, приведя к закреплению т.н. особого синтетического типа мобильности, основанного на учете особых интегральных показателей: применительно к правящей элите – внешних формальных индикаторов, прежде всего, административно-политического опыта, стажа, карьерных достижений, а к контрэлите – профессионально-личностных показателей, элитных достижений, умений выгодно представить свой элитный капитал. Более подробно об этом будет говориться в разделе, посвященном мобильности элиты.

■ ЦИРКУЛЯЦИЯ И МОБИЛЬНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ

Но прежде чем говорить об особенностях и формах процесса элитной мобильности, отметим, что фактически один из известных западных ученых, изучавших данную проблему, Дж. Пейн, как представляется, возвратился к достаточно важной идее, напрямую связанной с рассматриваемой проблемой мобильности политической элиты, высказанной в начале века известным итальянским мыслителем В. Парето, рассматривавшим применительно к элите процесс циркуляции как особый процесс и явление, существенное для сохранения равновесия двух групп – элиты (класса избранных) и неэлиты (класса остальных) [16, с. 310-311].

Анализ циркуляции применительно к рассмотрению процесса обновления элитного состава был воспринят уже в современной социологии политики и политологии рядом исследователей. При этом Г.К. Ашин справедливо считал, что В. Парето очень узко рассматривал процесс циркуляции элит, сводя его только к психофизиологическим изменениям в самих элитах и массах, что исключает возможности учета прогресса [17, с. 41]. В.П. Мохов, начав свой анализ циркуляции с критического разбора ряда классических и современных теорий (в том числе, и концепции В. Парето), рассмат-

ривает циркуляцию как процесс, интегрирующий две формы: социальную и политическую [18, с. 13]. При этом социальная циркуляция рассматривается им как процесс смены (замены) социального субстрата элиты, который существенно модифицируется под воздействием различных факторов. В результате, смена элит – довольно редкий процесс, заключающийся в смене сформировавшихся исторически типов элит у власти, который включает в себя и изменение бассейна рекрутирования правящей элиты, и изменение структуры правящей элиты, её функций и «формулы» элитного правления [18, с. 13]. Феномен обновления состава элит, как считает ученый, предстает как сложный и многоплановый процесс, включающий и динамичную перегруппировку отдельных субэлитных групп, что выражается, в том числе, и в обновлении персонального состава элиты, формировании в её подгруппах новых социальных практик, приобретающих в целом ряде случаев отдельные маргинальные характеристики. Тем самым, политическая циркуляция не приводит к существенным изменениям институтов власти, типа и роли элитных и субэлитных групп [18, с. 13].

Все выше отмеченные подходы, на наш взгляд, имея ряд достоинств, нуждаются все же в дополнении и существенной корректировке. Процесс мобильности политической элиты нельзя сводить только к разновидности политической циркуляции. Мобильность политической элиты – процесс трансформации кадрового потенциала элиты, одна из форм социальной и политической мобильности, имеющая как поступательные, так и транзитивные (переходные) разновидности, способствующие пополнению состава элиты новыми политическими акторами, изменяющими свои позиции. Этот процесс близок к циркуляции, но не является в современных отечественных условиях, на наш взгляд, ни сменой элит, ни, вместе с тем, не приводит и к системному обновлению элиты. В обычных условиях он свидетельствует об определенной модификации политической элиты (применительно к правящей элитной группе) и отчасти спонтанно-объективному преобразованию относительно неправящей (контрэлиты).

Очень часто в присутствующих исследованиях по элитной проблематике говорят в целом об элите, отождествляя её только с правя-

щей элитой. В этой связи выделяются и некоторые особенности элитной мобильности в целом. В частности, О.В. Крыштановская справедливо отмечает, что в целом для элиты присущи такие особенности элитной мобильности, как более высокий уровень конкуренции кандидатов на элитные позиции, неопределенность требований, предъявляемых к ним, значительный уровень регламентации (прежде всего, внутрigrупповыми нормами) и планирования, наделение индивида первичным политическим капиталом [7, с. 138-139]. Но, если относительно конкуренции кандидатов, неопределенности требований, подчиненности внутрigrупповым требованиям, особых сомнений нет, то относительно регламентации можно сказать, что она в большей степени проявляется именно в правящей элитной группе.

■ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА: ПОДХОДЫ И ОЦЕНКИ

В этой связи для более точного определения особенностей политической элиты необходимо уточнить и сам концепт политической элиты. Действительно, на сегодня базовыми методологическими подходами в изучении элит в социологии политики являются позиционный (институциональный, формальный) и ценностный (меритократический). Их дополняют методы изучения элитных групп – репутационный и решенческий, которые также имеют свои достоинства и недостатки. При этом репутационный подход связан с представлениями экспертного сообщества о составе элиты и её базовых характеристиках, которые напрямую зависят от уровня информированности экспертов. Субъективность решенческого метода связана также с оценками экспертов, определяющих степень приближенности того или иного представителя элиты к принятию властных решений. В целом, базовые недостатки данных подходов, помимо отмеченных выше, заключаются в том, что политическая элита сводится фактически только к относительно узкой прослойке лиц, представленных в институтах власти и управления. Именно это и становится в последние годы определенным камнем преткновения в самом признании научного статуса категории «элита» [19, с. 252].

Институциональный, формальный и ценностный (меритократический) подходы, в от-

личие от описанных выше, имеют более значительную историю существования, но также не лишены как достоинств, так и недостатков.

Первый, позиционный (институциональный, формальный) подход в социологии начал свое формирование благодаря работам представителей т.н. «макиавеллистической» школы. Здесь, прежде всего, следует отметить Г. Моска [19, с. 252]. В работах ученого проводится мысль о том, что во всех обществах формируются и существуют два класса – класс правящих, всегда менее многочисленный и организационно сплоченный, лучше подготовленный к решению управленческих задач, и класс управляемых, более многочисленный, но не сплоченный и лишенный необходимых качеств для того, чтобы стать элитой [20, с. 187]. Действительно, трудно отрицать, что правящий класс выступает сегодня составной частью политической элиты. Это характерно для любого общества, в том числе и российского, относящегося к особому мобилизационному типу развития (описанному в работах А.Г. Фомотова), возникшему в результате влияния внешних, экстремальных условий и характеризующегося доминированием властных институтов, низкой социальной активностью населения, отсутствия тех сил, которые могли составить альтернативу правящей элите, приводящих к занятию последней ведущих позиций в обществе [21, с. 46-47]. При этом сами характеристики общества во многом детерминировали и облик самой элиты [19, с. 252].

Анализ элиты только с позиций статусно-профессиональных признаков вызывал заслуженную критику у представителей целого ряда школ и направлений гуманитарного и социального знания [22, с. 22-23; 23, с. 41-42]. Можно согласиться с английским социологом Дж. Скоттом, что если видеть в элите группу, находящуюся на вершине социальной и политической иерархии, тогда её определение и анализ элит будут тривиальны [24, р. xiii]. В этой связи антиподом позиционного подхода выступает ценностный (меритократический) подход, представители которого видели в элите сообщество наиболее интеллектуальных и высокоморальных личностей, основной задачей которых должно выступать служение интересам общества. Здесь можно вспомнить отстаиваемые Н.А. Бердяевым [25, с. 553-555] пять онтологических

принципов, в том числе аристократизм, свободу, личность, и выделяемые П.А. Сорокиным в качестве базовых черт элиты, такие как высокий интеллект, предприимчивый характер, креативность [1, с. 282-283].

Как думается, отчасти идеи представителей и позиционного, и ценностного подходов имеют под собой определенные основания, но не всегда приемлемы сегодня в силу присущих им крайностей суждений. Применительно к позиционному подходу – это стремление соотносить элиту только с представителями правящих слоев. Однако, как отмечал в своих работах ещё В. Парето, в элите присутствует наряду с правящим слоем и слой контрэлиты. При этом даже в правящей элите существенно возрастает сегодня прослойка интеллигенции. Во втором случае – ориентация на нормативистские оценки, которые хотя и важны, но далеки от объективно-научной, нейтральной и критической оценки элиты в целом и политической элиты в частности. Учитывая это, необходимо, на наш взгляд, интегральный подход, рассматривающий политическую элиту как единство ряда уровней и сегментов, в том числе правящего и оппозиционного, контрэлиты.

■ МОБИЛЬНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ: ФОРМЫ, ЭТАПЫ И ПРАКТИКИ

Будучи группой, активно участвующей в политической жизни общества и стремящейся оказывать определяющее воздействие на его развитие, элита, конечно, должна быстро реагировать на различные общественные изменения. Именно поэтому для неё важна постоянная ротация состава, осуществляющаяся в ходе процесса мобильности. Как уже отмечалось выше, данный процесс – процесс трансформации кадрового потенциала элиты, представляющий одну из форм социальной и политической мобильности, имеющую как поступательные, так и транзитивные (переходные) разновидности, способствующие пополнению состава элиты новыми политическими акторами, изменяющими свои позиции. Для определения и характеристики особенностей, форм и практик процесса мобильности политической элиты автором проведен анализ 685 биографий представителей политической элиты федерального уровня (98% от общего её числа), включая анализ биографий Президента, руко-

водства Администрации Президента, Председателя Правительства РФ, министров, депутатов палат Федерального Собрания РФ, а также лидеров ведущих политических партий и общественно-политических организаций. Прежде всего, при анализе биографий учитывались: стаж политической и административно-политической работы, этапы карьерного роста, временные рамки перемещений и пребывания политиков на определенных статусных позициях как в рамках политических институтов (для правящей элиты), так и общественно-политических организаций и движений (для контрэлиты), а также базовые показатели профессионально-личностного потенциала (в том числе, образовательные, профессиональные (опыт и навыки деятельности), иные элитные достижения (для контрэлиты – показатели в ряде смежных областей, из которых приходили данные политики – научные, военные).

Проведенный анализ позволяет говорить, что в современном российском обществе стали постепенно институционализироваться новые практики элитной мобильности, ставшей более открытой, вследствие чего появилась возможность прихода в неё новых социальных слоев и групп, между которыми теперь не наблюдается столь явное противоборство.

В современной элите постепенно утверждаются новые формы мобильности, прежде всего, такие как линейно-традиционная и переходная (лиминальная), включающие разновидности, выделяемые по критериям уровней, форм проявления и сфер деятельности. Линейно-традиционный тип мобильности характерен, в первую очередь, для политиков, у которых не было резких переходов из одной сферы деятельности в другую, а также для тех, кто в рамках одних политических институтов либо общественно-политических организаций постепенно совершал политическое восхождение (в частности, работая в рамках политических партий консультантами либо помощниками лидеров, затем постепенно переходил в штат работников законодательных органов власти и затем становился депутатом). Как правило, в данном случае сохранялась некоторая преемственность в развитии элиты, поскольку определяющим здесь было влияние таких показателей, как административно-политический опыт, стаж работы, этапы карьерного пути, что на-

прямую связано с влиянием политических институтов, в рамках которых концентрировалась, прежде всего, правящая элита. Данная форма в своем интегрированном виде претворилась в той части политической элиты, которая напрямую связана с исполнительной властью. Но и здесь стали наблюдаться изменения (по сравнению с прежней советской номенклатурной системой). Так, не учитывались все передвижения по всем ступеням т.н. административно-политической лестницы. В целом ряде случаев некоторые политики сразу занимали ведущие позиции, не имея значительного политического опыта и стажа, как это было с бывшим губернатором и председателем Правительства Кировской области (2009-2016 гг.) Н.Ю. Белых. В ряде случаев, что не было типично для прежней советской номенклатуры, важное значение играли родственные связи, как это было с нынешним главой Чеченской Республики Рамзаном Кадыровым или бывшим главой Дагестана Магомедсаламом Магомедовичем Магомедовым.

Проведенное исследование показало, что традиционная форма мобильности характерна в целом для 52,1% представителей современной политической элиты. Однако для различных элитных групп данный показатель проявляет себя достаточно вариативно. Так, в сегменте, представляющем депутатов Государственной Думы Федерального Собрания России, доля политиков с традиционной формой мобильности составляет 35,5%. У сенаторов она равняется 31,5%. У части политической элиты, представляющих Администрацию Президента, – 47,2%. Наибольший показатель представленности данной формы у той части правящей политической элиты, которая олицетворяет Правительство РФ. Он равняется 90,3%¹.

Вторая форма – переходная (условно её можно определить и как лиминальную) – для 47,6% элитных деятелей (по результатам авторского исследования биографий представителей элиты)². Она также несколько вариатив-

¹ Подсчитано автором на основании биографий, представленных в: Правительство России. [Сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 15.05.2022); Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. [Сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 15.05.2022); Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации [Сайт]. URL: <http://www.council.gov.ru> (дата обращения: 15.05.2022).

² Там же.

на у представителей различных элитных подгрупп. Так, в той подгруппе политической элиты, которая представляет депутатов Государственной Думы Федерального Собрания России, она увеличивается до 64,8%. У части элиты законодательной власти, представляющей Совет Федерации, она возрастает до 68,4%. В прослойке политиков, представляющих Администрацию Президента РФ, она составляет только 44,4%, а у членов Правительства РФ сокращается до 12,9%. В целом, полученные данные отчасти подтверждает исследование, проведенное группой Санкт-петербургских ученых применительно к отдельным регионам России. При этом авторы приходят к достаточно интересным выводам о том, что в среде выходцев из экономической элиты, которая в последние годы продолжает сохранять свои позиции в составе правящей элиты, преобладающим типом карьеры будет выступать постепенный профессиональный тип. У представителей политической (и особенно административной) элиты – социальный, связанный с постоянной сменой сфер деятельности [9, с. 43-44].

Переходная (лиминальная) форма достаточно многопланова, характеризуется иногда достаточно резкими, в целом ряде случаев спонтанными восхождениями, лишенными линейной постепенности, и включает разновидности, которые можно типологизировать по целому ряду оснований. Данная форма формировалась уже не только под влиянием формальных, а зачастую и неформальных показателей, в том числе, профессионально-личностных индикаторов, элитных достижений, умений выгодно представить свой элитный капитал. Зачастую здесь влияние оказывали уже не только институты и структуры, в которых концентрировалась правящая элита, а также политические партии и общественные движения, вобравшие в себя видных представителей контрэлиты. Иногда они становились важным своеобразным трамплином для переходов политиков с одного уровня на другой, как это было с некоторыми представителями оппозиционных партий и движений: А.Е. Клочковым (КПРФ), ставшим в 2018 г. губернатором Орловской области, В.О. Коноваловым, занявшим в 2018 г. пост главы Хакасии, А.Ю. Русских, избранным в 2021 г. губернатором Ульяновской области, М.В. Дегтяревым (ЛДПР), ставшим в 2021 г. гу-

бернатором Хабаровского края, и др. В рамках данной формы, прежде всего, одним из распространенных является уровневый критерий. Вертикальный (уровневый) тип мобильности достаточно характерен для современной политической элиты и проявляется в переходе либо отдельных её представителей, либо субэлитных прослоек с одного уровня на другой, в частности, из федеральной элиты в региональную, и наоборот. Так, нынешний заместитель Председателя Государственной Думы VIII созыва (от партии «Единая Россия») А.В. Гордеев в разные годы представлял различные уровни политической элиты. С 1999 по 2009 г. являлся министром сельского хозяйства РФ, с 2009 по 2017 г. был губернатором Воронежской области, затем – полномочным представителем Президента в Центральном федеральном округе. С 2018 по 2020 г. он занимал пост заместителя Председателя Правительства РФ и в 2021 г. был избран депутатом Государственной Думы РФ. Достаточно известный российский политик С.П. Горячева также представляла в разные годы различные уровни элиты. В 1986-1990 гг. она занимала должность прокурора отдела общего надзора прокуратуры Приморского края. В марте 1990 г. была избрана народным депутатом РСФСР. На I съезде народных депутатов РСФСР стала заместителем Председателя Верховного Совета по предложению Б.Н. Ельцина. С осени 1991 г. по 1995 г. опять вернулась во Владивосток, где работала в должности заместителя прокурора города. С 1995 г. вновь стала депутатом, теперь Государственной Думы Российской Федерации, сначала от КПРФ, затем – от партии «Справедливая Россия: Родина/Пенсионеры/Жизнь» (после корректировки названия – партия «Справедливая Россия»). В сентябре 2014 г. наделена полномочиями члена Совета Федерации от администрации Приморского края. В настоящее время является первым заместителем председателя Комитета Совета Федерации по регламенту и организации парламентской деятельности. Одним из характерных примеров вертикального (уровневого) типа мобильности выступает и карьерный путь Председателя Государственной Думы Российской Федерации VII и VIII созывов В.В. Володина. С 1986 по 1990 г. он был на преподавательской работе. В 1990 г. был избран депутатом Саратовского городского Совета, затем, в 1992 г. становится замести-

телем главы администрации г. Саратова, и в 1994 г. – депутатом и заместителем председателя Саратовской областной Думы. Однако затем возвращается в сферу науки, став проректором в Поволжском кадровом центре (до 1996 г., когда становится вице-губернатором Саратовской области). С 1999 г. политик возвращается на федеральный уровень, где последовательно прошел путь от депутата Государственной Думы РФ до заместителя руководителя Администрации Президента РФ и, затем, депутата и Председателя Государственной Думы.

Наряду с вертикальным (уровневым) типом мобильности закрепляется и вторая, горизонтальная форма, при которой политические деятели переходят из одной группы в другую, либо осуществляют внутризлитные переходы. Если посмотреть на отдельные группы элиты, можно обнаружить весьма различную динамику элитной мобильности. Так, мобильность элитных групп, действующих в институтах исполнительной власти, значительно менее динамична (о чем уже говорилось выше), чем у парламентской элиты. В настоящее время практически наполовину обновился состав депутатского корпуса. В новом составе Государственной Думы добавились депутаты от новой фракции – политической партии «Новые люди» (15 депутатов). Однако во всей политической элите, исходя из результатов проведенного автором анализа биографий, 15,7% политиков имели стаж работы во властных структурах – от 1 до 5 лет, 20% – свыше 10 лет, 18,9% – свыше 15 лет, свыше 20 лет – 14,8%. Достаточно близки к данным результатам и региональные показатели. Так, если обратиться к одному из типичных для России по 26 показателям региону, как Саратовская область, то стаж до 5 лет имели 18,4% политиков, от 5 до 10 лет – 23%, от 10 до 15 лет – 26%, от 15 до 20 лет – 12,3%, свыше 20 лет – 7,6%³.

Данная форма, исходя из форм проявления, может быть достаточно длительной либо, наоборот, скачкообразной и краткосрочной. Так, у депутата Государственной Думы 7 созыва и члена Совета Федерации РФ, представителя законодательного органа власти от Пермского края И.Н. Шубина в течение всей своей карье-

ры, начиная с 80-х гг. XX в. каждые 5-6 лет начинался новый этап политической карьеры. Он прошел путь от депутата Дзержинского районного Совета народных депутатов г. Перми, главы Дзержинского района г. Перми, заместителя губернатора Пермского края до депутата Государственной Думы, а затем и члена Совета Федерации ФС РФ. Примером достаточно длительного политического пути со многими этапами является карьера бывшего Председателя Совета Министров СССР Н.И. Рыжкова. Он начал свой трудовой путь на заводе «Уралмаш», где в 1970 г. стал сначала директором, а в следующем, 1971 г. – генеральным директором завода. Четыре года, с 1975 по 1979 г., Н.И. Рыжков работал первым заместителем министра тяжелого и транспортного машиностроения СССР, а затем, до 1982 года – заместителем Председателя Госплана СССР. С ноября 1982 г. по октябрь 1985 г. являлся секретарем ЦК КПСС, а затем – членом Политбюро ЦК КПСС и Председателем Совета Министров СССР. В Российской Федерации Н.И. Рыжков становится в 1995 г. депутатом Государственной Думы, а в 2003 г. – членом Совета Федерации ФС РФ от администрации Белгородской области. Достаточно характерным и длительным является и карьерный путь другого известного общественного деятеля, космонавта В.В. Терешковой. Хотя, в отличие от Н.И. Рыжкова, она не была профессиональным политиком, тем не менее, ещё в 1966 г. становится депутатом Верховного Совета СССР, а в 1974 г. – членом его Президиума. В 1968-1987 гг. возглавляла Комитет советских женщин. В период с 1987 по 1992 г. она возглавляла Президиум такой крупной общественно-политической организации, как Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ССОД). С 1989 по 1992 г. являлась также народным депутатом СССР от ССОД и общества «Родина». В Российской Федерации первоначально становится в 1992 г. председателем президиума Российской ассоциации международного сотрудничества, затем в 2008 г. избирается депутатом Ярославской областной Думы от партии «Единая Россия». С 2011 г. становится депутатом Государственной Думы Российской Федерации от партии «Единая Россия».

По формам проявления переходный (лиминальный) тип может быть как относительно

³ Правительство Саратовской области [Сайт] // URL: <http://saratov.gov.ru> (дата обращения: 25. 10. 2022); Саратовская областная Дума [Сайт] // URL: <http://www.srd.ru> (дата обращения: 25. 10. 2022)

одномерным (как случае с современным депутатом А.З. Фарраховым, работавшим заместителем главного врача одной из клинических больниц Министерства здравоохранения Республики Татарстан, затем ставшим сначала министром здравоохранения Республики Татарстан и заместителем министра здравоохранения РФ), так и многомерным, как в случае с уже упомянутыми выше Н.И. Рыжковым и В.В. Терешковой.

Достаточно своеобразным является и критерий, связанный со сферой деятельности. Проведенное исследование показывает, что больше всего, а именно 19,3% политиков пришло из прослойки т.н. «хозяйственников» (руководителей бывшего ВПК и АПК, предпринимательских кругов и банковско-финансовой сферы). Правда, зачастую мобильность таких деятелей была достаточно длительной по времени. На втором месте (7,2%) оказались политики, пришедшие из корпоративных кругов и перешедшие затем на работу в исполнительные структуры власти, сначала региона, а затем и федерального уровня⁴. 5,57% современных отечественных политиков переходили последовательно из сферы хозяйственной деятельности на работу в исполнительные структуры власти, а затем становились депутатами. 5,46%, наоборот, из работников исполнительных органов власти регионального уровня становились сначала депутатами районного уровня, а затем депутатами Государственной Думы и сенаторами⁵. Несколько меньше представленной оказалась мобильность политиков, представляющих современные политические партии и общественные организации (1,78%)⁶. Однако при этом партийная мобильность ряда современных российских политиков является достаточно примечательной, поскольку в ходе неё наблюдались по три и более перехода из одной партийной структуры в прямо противоположную. Так, депутат Государственной Думы О.Г. Дмитриева с начала 90-х гг. прошлого века последовательно была членом трех партий: «Яблоко» (1993-

1998 гг.), «Справедливая Россия» (2007-2015 гг.), «Партия Роста» (с 2016 г.). Другой старейший депутат Г.П. Хованская также в разные годы представляла три партии: «Демократическую Россию» (1990-1997 гг.), РОДП «Яблоко» (1997-2007 гг.), и партию «Справедливая Россия» (с 2007 г.). Депутат Государственной Думы VIII созыва А.А. Журавлев последовательно сменил пять партийных принадлежностей, будучи сначала членом КПСС, затем – КП РСФСР, Справедливой России, «Единой России», Родины. В нынешнем составе Государственной думы он представляет фракцию ЛДПР.

Рассматривая современную элитную мобильность, можно выделить ряд её этапов [26, с. 115-116]. Поскольку на развитие отечественного социума оказывал влияние мобилизационный цивилизационный фактор, в котором выделялись персонифицированные политические составляющие, то при выделении этапов, прежде всего, использовались важные исторические вехи в развитии российского общества, связанные с переходом к новому этапу развития, как это было в конце 1991 г. – начале 1992 г., либо сменой политических фигур и элит (начало 2000-х гг. прошлого века). Начиная с 1992 до 2000 г. процесс межэлитной и внутриэлитной мобильности был достаточно хаотичен, без устоявшихся четких механизмов и принципов [26, с. 115-116]. При этом в конце 1990-х гг. мобильность в когорте правящей элиты усилилась настолько, что за два года (1998-1999 гг.) сменилось пять Председателей Совета Министров РФ. С начала 2000-х гг. наблюдается заметное снижение хаотичности процесса элитной мобильности. При этом внутри политической элиты в целом мобильность остается достаточно динамичной. С 2005 г. (фактически к середине второго президентского срока В.В. Путина) элитная мобильность вступает в фазу сначала консервации, а затем и стабилизации, что напрямую приводит к торможению межэлитной мобильности и, затем, к некоторому усилению роли и веса внутриэлитной мобильности [26, с. 115-116]. В результате, например, в правящей политической элите когорты бывших губернаторов приобретает статус законодателей, а некоторые бывшие министры вливаются в прослойку депутатского корпуса законодательных собраний различных уровней [26, с. 116; 27, с. 115-117].

⁴ Подсчитано автором на основании биографий, представленных в: Правительство России. [Сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 15.05.2022); Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. [Сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 15.05.2022); Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации [Сайт]. URL: <http://www.council.gov.ru> (дата обращения: 15.05.2022).

⁵ Там же.

⁶ Там же.

На современном этапе динамизм процесса элитной мобильности сдерживается рядом факторов, среди которых можно назвать и сохраняющееся (но в несколько ином виде) присутствие ряда номенклатурных принципов отбора кадров, неформальные взаимосвязи представителей элитных групп. Достаточно правы, на наш взгляд, те исследователи, отмечавшие, что в современной российском обществе различные сегменты элитных групп (прежде всего, правящей элиты) стремятся включить в свой состав тех, кто не пытается изменить устоявшийся социальный порядок и не создает риски трансформаций самих элит [28, с. 327].

■ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая анализ мобильности политической элиты, можно говорить, что она во многом отражает характерные для российского общества черты мобилизационного развития. Имея как поступательные, так и транзитивные, переходные разновидности, способствующие пополнению состава элиты новыми политическими акторами, изменяющими свои позиции, она вместе с тем не является ни сменой элит, ни кардинальным системным обновлением элиты. Как показало проведенное исследование, процесс элитной мобильности нельзя отождествлять ни с рекрутированием элит, ни с инкорпорацией, ротацией и экскорпорацией, входящими в процесс элитного трафика. Поскольку политическая элита является достаточно неоднородным слоем общества, включающим как представителей правящей элиты, так и различные сегменты контрэлиты, то элитный трафик в такой трактовке несколько сужает понимание элитной мобильности. Также не совсем подходит для этого и определение рекрутирования как однонаправленного процесса, имеющего своей целью приход в элиту новых кадров. Так-

же нельзя отождествлять элитную мобильность и с процессом циркуляции в целом и политической циркуляции в частности. Мобильность политической элиты – это процесс трансформации кадрового потенциала политической элиты, одна из форм социальной и политической мобильности, имеющая как поступательные, так и транзитивные разновидности, способствующие пополнению состава элиты новыми политическими акторами, изменяющими свои позиции. В современном российском обществе сам процесс элитной мобильности, по сути, представляет собой особый синтетический тип, вобравший в себя как традиционные, так и некоторые переходные формы. Как показало проведенное исследование, линейно-традиционный тип мобильности характерен, в первую очередь, для политиков, у которых не было резких переходов из одной сферы деятельности в другую, а также для тех, кто в рамках одних политических институтов либо общественно-политических организаций постепенно совершал политическое восхождение. Переходная (лиминальная) форма достаточно многопланова, характеризуется иногда достаточно резкими, спонтанными восхождениями, лишенными линейной постепенности и имеющими ряд разновидностей.

В целом, заложенные в ходе продолжающейся модернизации российского общества и социальных параметров элиты возможности, несомненно, нуждаются в более глубинных изменениях, связанных как с трансформацией базовых признаков, так и самих механизмов рекрутирования элитных групп, а также, в конечном итоге, необходимости учитывать и изменение структур гражданского общества, многие сегменты которого должны выступать социальной основой элиты. ●

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сорокин П.А. Социальная мобильность. М. : Academia LVS, 2005. 558 с.
2. Lipset S.M., Bendix R. (1991). Social mobility in industrial society. New Brunswick: Transaction Publishers. 309 p.
3. Savage M., Burrows R. (2007). The Coming Crisis of Empirical Sociology, *Sociology*, vol. 41, no. 5, pp. 885–889. DOI: [10.1177/0038038507080443](https://doi.org/10.1177/0038038507080443). EDN: JPVNGP.
4. Социальная мобильность в усложняющемся обществе: объективные и субъективные аспекты : Монография / отв. ред. В. В. Семенова, М. Ф. Черныш, П. Е. Сушко. М. : ФНИСЦ РАН, 2019. 512 с.

5. Урри Дж. Мобильности / пер. с англ. А. В. Лазарева, вступ. статья Н. А. Харламова. М. : Издательская и консалтинговая фирма «Праксис», 2012. 576 с.
6. Payne G. (1990). Social Mobility in Britain: A Contrary View. In: John. H. Goldthorpe: Consensus and Controversy. Ed. by Jon Clark, Celia Modgil, Sohan Modgil. London: Routledge. Pp. 88–117.
7. Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М., 2005. 385 с. EDN: **QOHFON**.
8. Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. М. : Издательство «Политическая энциклопедия», 2006. 446 с. EDN: **QOFXIN**.
9. Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Институционализация политической элиты: источники рекрутирования и карьера // Власть и элиты. 2019. Т. 6. № 2. С. 24–66. DOI: [10.31119/pe.2019.6.2.2](https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.2.2). EDN: **GXPYDO**.
10. Сельцер Д. Рекрутирование локальной административной элиты России: исходные данные для построения системно-динамической модели // PRO NUNC. Современные политические процессы. 2017. № 2. С. 27–32. EDN: **LHKKNJ**.
11. Покатов Д.В. Политическая элита российской провинции: особенности и практики современного рекрутинга // Российская провинция: опыт социологического осмысления / под ред. С. Г. Ивченкова. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2022. 156 с.
12. Дука А.В. Новый нобилитет российских регионов // Власть и элиты. 2019. Т. 6. № 1. С. 169–191. DOI: [10.31119/pe.2019.6.1.8](https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.1.8). EDN: **WNWHAS**.
13. Дука А.В. Мобильность и эндогенность региональных политико-административных элит // Власть и элиты. 2021. Т. 8. № 1. С. 66–99. DOI: [10.31119/pe.2021.8.1.3](https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.1.3). EDN: **YOPBVI**.
14. Тев Д.Б. Члены Совета Федерации: карьера до вхождения в должность и после прекращения полномочий // Мир России. 2021. Т. 30. № 4. С. 53–78. DOI: [10.17323/1811-038X-2021-30-4-53-78](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2021-30-4-53-78). EDN: **WCZZCP**.
15. Политическая энциклопедия: в 2 т. Т. 2 / научн. ред. Г. Ю. Семигин. М. : Мысль, 1999. 701 с.
16. Парето В. Компендиум по общей социологии. М. : ГУ ВШЭ, 2008. 511 с. EDN: **QOHUFH**.
17. Ашин Г.К. Смена элит // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 40–51.
18. Мохов В.П. Циркуляция элит: проблема критериев процесса // Власть и элиты. 2014. Т. 1. С. 8–18. EDN: **XIEMQB**.
19. Покатов Д.В. Интегрально-критический подход как направление социологического анализа политической элиты // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22. №. 3. С. 251–254. DOI: [10.18500/1818-9601-2022-22-3-251-254](https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-3-251-254). EDN: **SGAYOD**.
20. Моска Г. Правящий класс // Социологические исследования. 1994. № 10. С. 187–198.
21. Фонов А.Г. Россия: от мобилизационного общества к инновационному. М. : БИНОМ. Лаборатория знаний, 2010. 431 с.
22. Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Институционализация региональной административной элиты: бассейн рекрутирования и карьерные траектории // Власть и элиты. 2021. Т. 8. № 2. С. 21–54. DOI: [10.31119/pe.2021.8.2.2](https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.2.2). EDN: **NATXQO**.
23. Волков С.В. Элитные группы в «массовом обществе». М. : Русский фонд содействия высшему образованию, 2021. 312 с. EDN: **BKGOTM**.
24. Scott J. (1990). The Sociology of Elites. Vol. 1. The Study of Elites. Aldershot; Brookfield: Edward Elgar Publ. Pp. VIII–XIV.
25. Бердяев Н.А. Философия неравенства // Философия свободы. М. : АСТ, 2007. С. 551–568.
26. Покатов Д.В. Элитная мобильность в трансформирующемся обществе: особенности и социально-исторические практики // Социология XXI века: традиции и инновации : Материалы IV Научно-практической конференции «Дыльновские чтения». Саратов : Издательство «Саратовский источник», 2017. С. 112–116. EDN: **ZAWFUR**.
27. Палитай И.С., Матюсова А.И. Губернаторский корпус РФ: сравнительный анализ механизмов отбора и каналов рекрутирования «новичков» и «старожилов» // Вестник Московского государственного областного университета. 2020. № 4. С. 114–130. DOI: [10.18384/2224-0209-2020-4-1040](https://doi.org/10.18384/2224-0209-2020-4-1040). EDN: **CCYENQ**.
28. Римский В.Л. Социальные факторы выстраивания политических карьер и неэффективности управления в регионах и муниципальных образованиях // Власть и элиты. 2014. Т. 1. С. 318–329. EDN: **XIEMVV**.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Покатов Дмитрий Валериевич – доктор социологических наук, доцент; Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского (410012, Россия, Саратов, ул. Астраханская, 83); dvpokatov@gmail.com. AuthorID РИНЦ: 411285, ORCID: 0000-0002-9973-1473, ResearcherID: D-6571-2013.

RUSSIAN POLITICAL ELITE MOBILITY: SPECIFICS, FORMS AND STAGES

Dmitriy V. Pokatov^a

^a Saratov State University

ABSTRACT:

Social mobility is an integral social process naturally manifesting itself in the course of socio-political development. One of the founders of the concept of “multidimensional mobility” P. A. Sorokin aptly noted that in modern society the movement of an individual and social object or value which make up the essence of the mobility process are interconnected and cover various spheres of social life. The political subsystem of society and the segments operating within its boundaries, including the political elite, are no exception here. The progressive, stable and innovative development of modern society is impossible without updating its subsystems, primarily the political one, which, in turn, directly depends on the the political elite renewal, the arrival of new politicians. With this in mind, the author dwells, first of all, on the definition and analysis of the basic features of political elite mobility. It is also noted, that some recently published research works considered elite mobility a type close to political circulation, or a regrouping of the ruling elite. However, the author believes that the process of political elite mobility cannot be reduced to a kind of political circulation only. The mobility of the political elite is a process of transformation of the elite personnel potential, a form of social and political mobility, of both progressive and transitive varieties, contributing to the replenishment of the elite with new political actors who change their positions. This process is close to circulation, but it is neither a change of elites nor, at the same time, leading to a systemic elite renewal. Under normal conditions, it indicates a certain modification of the political elite (in relation to the ruling elite group) and partly spontaneously objective transformation (regarding the non-ruling, counter-elite). The author considered the specifics and forms of political elite mobility, based on the analysis of the biographies of 685 political elite representatives, including both members of the ruling elite group (heads of the executive, legislative and judicial authorities of the federal level), and the counter-elite (leaders and leadership of leading political parties, social movements and organizations).

The results of the author’s analysis of the biographies of 685 political elite representatives allowed to identify and characterize such forms of elite political mobility as linear-traditional and transitional (liminal), including forms identified according to the criteria of levels, manifestation forms and activity fields.

KEYWORDS: social mobility, political elite mobility, circulation, political elite, counter-elite, forms of elite mobility, linear-traditional type, transitional, liminal.

FOR CITATION: Pokatov D.V. (2022). Russian political elite mobility: specifics, forms and stages, *Management Issues*, no. 5, pp. 5–18. URL: <https://journal-management.com/issue/2022/05/01>. DOI: 10.22394/2304-3369-2022-5-5-18. EDN: VLXJLS.

REFERENCES

1. Sorokin P.A. (2005). Social mobility. Moscow: Academia LVS. 558 p.
2. Lipset S.M., Bendix R. (1991). Social mobility in industrial society. New Brunswick: Transaction Publishers. 309 p.
3. Savage M., Burrows R. (2007). The Coming Crisis of Empirical Sociology, *Sociology*, vol. 41, no. 5, pp. 885–889. DOI: [10.1177/0038038507080443](https://doi.org/10.1177/0038038507080443). EDN: [JPVNGP](#).
4. Semenova V.V., Chernysh M.F., Sushko P.E. (eds.) (2019). Social mobility in a complicated society: objective and subjective aspects. Monograph. Moscow: FCTAS RAS. 512 p.
5. Urry J. (2012). Mobilities. Translated from English by Lazareva A.V., introductory article by Kharlamov N.A.. Moscow: Publishing and consulting company “Praxis”. 576 p.
6. Payne G. (1990). Social Mobility in Britain: A Contrary View. In: John. H. Goldthorpe: Consensus and Controversy. Ed. by Jon Clark, Celia Modgil, Sohan Modgil. London: Routledge. Pp. 88–117.
7. Kryshchanovskaya O.V. (2005). Anatomy of the Russian elite. Moscow. 385 p. EDN: [QOHFON](#).
8. Gaman-Golutvina O.V. (2006). Political elites of Russia: Milestones of historical evolution. Moscow: Publishing House “Politicheskaya Encyclopedia”. 446 p. EDN: [QOFXIN](#).
9. Bystrova A.S., Daugavet A.B., Duka A.V., Kolesnik N.V., Nevskiy A.V., Tev D.B. (2019). Institutionalization of the political elite: sources of recruitment and career, *Power and elites*, vol. 6, no. 2, pp. 24–66. DOI: [10.31119/pe.2019.6.2.2](https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.2.2). EDN: [GXPYDO](#).
10. Valra D. (2017). Recruitment the local public elite in Russia: basic data for system dynamic modelling, *Pro NUNC. Modern political processes*, no. 2, pp. 27–32. EDN: [LHKKNJ](#).
11. Pokatov D.V. (2022). Political elite in the Russian province: features and practice of modern recruiting. In: Ivchenkova S.G. (ed.) Russian province: experience of sociological understanding. Saratov: Publishing House of the University of Saratov. 156 p.
12. Duka A.V. (2019). New nobility of the Russian regions, *Power and elites*, vol. 6, no. 1, pp. 169–191. DOI: [10.31119/pe.2019.6.1.8](https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.1.8). EDN: [WHWHAC](#).
13. Duka A.V. (2021). Mobility and endogeneity of regional political and administrative elites, *Power and elites*, vol. 8, no. 1, pp. 66–99. DOI: [10.31119/pe.2021.8.1.3](https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.1.3). EDN: [YOPBVI](#).
14. Tev D.B. (2021). Members of the Federation Council: Careers before taking office and after resigning, *World of Russia*, vol. 30, no. 4, pp. 53–78. DOI: [10.17323/1811-038X-2021-30-4-53-78](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2021-30-4-53-78). EDN: [WCZZCP](#).
15. Semigin G.Yu. (sc. ed.) (1999). Political Encyclopedia (in 2 vols). Vol. 2. Moscow: Mysl. 701 p.
16. Pareto V. (2008). Compendium in general sociology. Moscow: HSE. 511 p. EDN: [QOHUFH](#).
17. Ashin G.K. (1995). Change of elites, *Social sciences and modernity*, no. 1, pp. 40–51.
18. Mokhov V.P. (2014). The circulation of elites: problem of the criteria of the process, *Power and elite*, vol. 1, pp. 8–18. EDN: [XIEMQB](#).
19. Pokatov D.V. (2022). Integral-critical approach as a direction of sociological analysis of the political elite, *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, vol. 22, no. 3, pp. 251–254. DOI: [10.18500/1818-9601-2022-22-3-251-254](https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-3-251-254). EDN: [SGAYOD](#).
20. Musca G. (1994). Ruling class, *Sociological research*, no. 10, pp. 187–198.
21. Fonotov A.G. (2010). Russia: from a mobilization society to an innovative one. Moscow: BINOM. Laboratoriya Znaniy. 431 p.
22. Bystrova A.S., Daugavet A.B., Duka A.V., Kolesnik N.V., Nevskiy A.V., Tev D.B. (2021). Institutionalization of the regional administrative elite: recruitment pool and career trajectories, *Power and elites*, vol. 8, no. 2, pp. 21–54. DOI: [10.31119/pe.2021.8.2.2](https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.2.2). EDN: [NATXQO](#).
23. Volkov S.V. (2021). Elite groups in “mass society”. Moscow: Russian Fund for Assistance to Higher Education. 312 p. EDN: [BKGOTM](#).
24. Scott J. (1990). The Sociology of Elites. Vol. 1. The Study of Elites. Aldershot; Brookfield: Edward Elgar Publ. Pp. VIII–XIV.
25. Berdyaev N.A. (2007). Philosophy of inequality. In: Philosophy of Freedom. Moscow: AST. Pp. 551–568.
26. Pokatov D.V. (2017). The elite mobility in the transforming society: peculiarities and social and historical practice. In: Proceeding of the IV scientific and practical conference “Dilnov readings: Sociology of the 21st century: traditions and innovations”. Saratov: Publishing House “Saratovskiy Istochnik”. Pp. 112–116. EDN: [ZAWFUR](#).
27. Palitay I.S., Matyusova A.I. (2020). Governor’s Corps of the Russian Federation: Compar-

tive Analysis of Selection Mechanisms and Recruitment Channels for “Newcomers” and “Old Residents”, *Bulletin of Moscow Region State University* (e-journal), no. 4, pp. 114–130. DOI: [10.18384/2224-0209-2020-4-1040](https://doi.org/10.18384/2224-0209-2020-4-1040). EDN: [CCYEHQ](#).

28. Rimskiy V.L. (2014). Social factors of the political careers building and of the ineffective management of the regions and municipalities, *Power and elites*, vol. 1, pp. 318–329. EDN: [XIEMVV](#).

AUTHORS' INFORMATION:

Dmitriy V. Pokatov – Advanced Doctor in Sociological Sciences, Associate Professor; Saratov State University (83, Astrakhanskaya St., Saratov, 410012, Russia); dvpokatov@gmail.com. RSCI AuthorID: [411285](#), ORCID: [0000-0002-9973-1473](https://orcid.org/0000-0002-9973-1473), ResearcherID: [D-6571-2013](#).